

В эфире «Открытая студия». Сегодня мы представляем вам Ю. М. Ключникова, российского поэта, публициста, путешественника и общественного деятеля.

А.Н. *А как сложилась Ваша личная писательская судьба?*

Ю.К. Первое стихотворение написано в возрасте двенадцати лет. Публикация в городской газете состоялась в мае 1945 года, когда мне исполнилось четырнадцать, а первый небольшой сборник стихов и прозы вышел в Донецке в 98 году. Но началом писательской и общественной деятельности считаю год 2000-й. В этом году вышел первый большой сборник «Белый остров». Потом второй сборник «Стихия души», прозаическая книга «Поэт и фея»... Меня заметили, стали как писателя приглашать в различные города России, в Москву, на Украину, Белоруссию. Предложили вступить в Союз писателей России.

А.Н. *Что значит «предложили»? Вопреки Вашей воле?*

Ю.К. Вопреки воле тогдашнего руководства писательским союзом, точнее ,его председателя В. Н. Ганичева. Этот чело-

век противился моему вступлению, я об этом знал и не подавал заявления сам, чтобы не инициировать новых раздоров.

А.Н. *Снова разногласия?..*

Ю.К. Куда от них денешься? Мы живём в эпоху всеобщих раздоров. Как выразился один философ, войны всех против всех.

А.Н. *В чём же причина Ваших с Ганичевым противоречий?*

Ю.К. Их вначале не было. Мне довелось познакомиться с этим человеком в конце 80-х годов, когда мы строили на Алтае музей Рериха. Я был послан строителями в Москву для того, чтобы похлопотать о государственном финансировании этого мероприятия. В. Н. Ганичев в ту пору был главным редактором «Комсомольской правды», кроме того, состоял в руководстве влиятельного Общества по охране памятников культуры, которое могло нам помочь Словом. Поначалу наши отношения складывались благоприятно. А потом СССР распался, В. Н. Ганичев лишился должности главного редактора, но при поддержке РПЦ сделался руководителем СП России. Рериха, как известно, церковь объявила еретиком. И бедному Валерию Николаевичу пришлось вместо комсомольской идеологии рьяно исповедовать религиозную.

А.Н. *В Ваших словах звучит не совсем справедливая ирония. Вы сами, судя по Вашему творчеству, тоже исповедуете сегодня религиозную идеологию, хотя состояли в КПСС.*

Ю.К. Совершенно верно. Любая религиозная идеология проповедует, прежде всего, коммунистические принципы и ставит на первое место общее благо в сравнении с правами отдельного человека. Об этом я как раз и пишу:

Не жалуйся, что век тебя не ценит...

Что поздно вышел к людям и судьбе,

Что время Царскосельского лица
Не подарило в юности тебе.
Всё неизменно в те и эти годы:
Твоя жар-птица – воля и покой,
Твоя награда – тайная свобода,
Твоё блаженство – творческий огонь.

А.Н. Так и хочется снова возразить Вам – ведь Пушкин мечтал о тайной свободе, тогда как мы жили и живём, как выражаются западные СМИ, в условиях тоталитарной несвободы. Но потом вспоминаешь, что «тайная» – значит, Божественная. И всё становится на свои места. «Тайный» замысел Бога – вместо всеобщей розни утвердить свободу и сотрудничество. Так?

Ю.К. Так. Пушкин в своих мечтах стремился к идеальной свободе. Но в реальном поведении оставался монархистом и умеренным крепостником. Когда его спросили об отношении к Ивану Грозному, ответил коротко: «Дело государя – рубить голову явным и тайным бунтовщикам».

А.Н. У Вас были проблемы с прежним писательским руководством на церковной основе. Назовём это так. Как теперь обстоят дела?

Ю.К. Теперь отношения нормализовались.

А.Н. А как с церковью отношения складываются?

Ю.К. До 2000-года было некоторое напряжение. Дело в том, что мы с женой создали городской культурный центр, который назвали именем Сергия Радонежского. Иерархи РПЦ, зная моё расположение к идеям Рериха и имея своё к ним нерасположение, внесли наш центр в официальный справочник вредоносных сект. Мы стали называться Русским Клубом. В новом издании церковного справочника Клуб исчез.

А. Н. Как Вы сами относитесь к РПЦ?

Ю.К. Как к КПСС или к «Единой России». Только у церкви, в отличие от них, многовековой стаж. В остальном – это влиятельный государственный институт со своими героями, подвижниками, мучениками. Но и с тяжеловесной бюрократией тоже. Это, прежде всего, организация, люди со своими достоинствами и недостатками.

А.Н. *Юрий Михайлович! Если посмотреть на Ваши стихи, в них есть глубокие и тревожные философские раздумья, есть очень проникновенная лирика, а есть сатира, точнее не сатира – мягкая ирония. Одно Ваше стихотворение мне напомнило Сашу Чёрного:*

Хорошо при свете лампы книжки милые читать,
Пересматривать эстампы и по клавишам брэнчать,
Щекоча мозги и чувства обаяньем красоты,
Лить душистый мёд искусства
В бездну русской пустоты.

Эти стихи Саши Чёрного, написанные сто с лишним лет назад, мне вспомнились в связи с Вашим стихотворением «Пиннокио и телевизор».

Едва спущу с постели тёплой ноги я,
Глаза протрёт мне телевизор мой.
– Вы не забыли вашего Пиннокио?
Я приглашаю всех к себе домой.
На карнавал освобождённых кукол.
Вы помните: ужасная страна,
Кругом коммунистическая скука,
А избавленье в метре от окна.

И в двух – ничуть не дальше – от дивана.
Сижу, в мечту рекламную плыву

И радуюсь, покуда деревянный,
Заплачу, если только оживу.

Да, да, стамеской чьей-нибудь обструганный,
На белый свет являвшийся не раз,
Я снова оживаю перепуганный –
Стучится в дверь ужасный Карабас.

В Америке какие-то торнадо,
В России террористы нас громят...
А нам, сосновым, ничего не надо,
Монеток и картинок окромя.

Это стихотворение откровенно ироничное в отличие от Саши Чёрного, где преобладает злой сарказм. Я в нём усмотрел ещё и тревогу, боль за жизнь, за людей, за страну. Это тоже Ваша молитва?

Ю.К. Конечно! Но сначала есть смысл сказать несколько слов о Саше Чёрном. Стихотворение, которое вы прочитали, называется «Ламентация», то есть «Жалоба», и написано, насколько я помню, незадолго до Октября. Тогда вся русская интеллигенция жаловалась на отчаянную скуку. Блок эту мысль выразил ещё короче:

Лишь в лёгком челноке искусства
От скуки жизни уплывёшь.

А.Н. *А Горький призвал: «Пусть сильнее грянет буря!» Юрий Михайлович, знаю Ваш образ мыслей, Вы, наверное, дальше процитируете известные саркастические слова Ленина об интеллигенции?*

Ю.К. Вы не угадали. Я процитирую вполне дружелюбный отзыв о ней Будённого. Когда Семёна Михайловича спросили, как он относится к Бабелю, маршал ответил: «Это смотря какой «бабель» (с ударением на втором слоге)».

Шутка, ну а серьёзно: в XX веке русская интеллигенция значительно поумнела, хотя и вынужденно. О революционном мятеже в нынешнее время мечтает лишь небольшая кучка людей, называющих себя «либеральной интеллигенцией» – любители даровых «монеток» и «конфеток». Это характерно не только для России, но для всего мира. Посмотрите на Соединённые Штаты. Там появились свои «властные смутьяны».

А.Н. Мы всё время съезжаем с литературных рельс на политические.

Ю.К. Никуда от этого не денешься. Всё в нашем мире переплетено. Есть такая поговорка: «Не хочешь кормить свою армию – будешь кормить чужую». Нас в 90-е годы американцы руками своих либеральных прихвостней заставили переписать Конституцию, исключили из неё слово «идеология». Вот и получилось по поговорке: «Не хотим иметь свою идеологию – будем жить по чужой».

А.Н. Кем Вы себя считаете?

Ю.К. Я родился, вырос и большую часть жизни прожил в СССР. Поэтому считаю себя сыном советской эпохи.

А.Н. Ностальгируете по прошлому?

Ю.К. Всем известный Левада-центр неоднократно проводил опросы населения об отношении к советской власти и личности Сталина. Большинство россиян высказалось положительно. Одновременно задавался вопрос: «Хотели бы вы жить во времена Сталина?» Только пять процентов россиян сказали «да». В обоих случаях отношу себя к большинству.

А.Н. Поясните, пожалуйста.

Ю.К. Сталинский период в истории нашей страны был, пожалуй, самым великим, но и слишком жестоким. Народ рассуждает мудро. Повторения излишеств не хочет. Я – тоже.

А.Н. Но могут случиться?

Ю.М. Буквально история никогда не повторяется, но как считают историки и философы, эволюция человеческого сообщества развивается по спирали. Поэтому повторения, правда, в известном смысле, не только возможны, но даже обязательны.

А.П. *В каком случае возможен лучший вариант повтора, в каком – худший?*

Ю.К. Наилучшее человеческое будущее указано в Библии: едино стадо и единый Пастух.

А.Н. *А худший вариант?*

Ю.К. Тот, о котором грубовато высказался Ленин: если к власти придёт интеллигентная «элита», которую первый советский вождь назвал известным словом. В 90-е годы она свои управленческие способности показала вполне. Снова рвётся к рулю. И если добьётся своего, то, как любит говорить В. В. Путин, мало не покажется.

А.Н. *Каковы ваши литературные предпочтения? Саша Чёрный, как я понимаю, в них не входит?*

Ю.К. Почему же? Это очень хороший поэт, но не первый среди моих любимых. Что касается их, то назову Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина, Гумилёва, Пастернака, Рубцова...

А.Н. *А зарубежные?*

Ю.К. Могу назвать целый список, он будет очень длинным.

А.Н. *Вы назвали имя Пастернака в числе ваших любимцев. Но нелюбимая Вами «либеральная интеллигенция» считает его «своим».*

Ю.К. Это недоразумение. Пастернак вместе с Маяковским принял советскую власть, можно сказать, почти безоговорочно. Даже открыл поэтическую «сталиниану», написав первое стихотворение о втором советском вожде.

А.Н. *Говорят, вынужденно.*

Ю.К. Гениев по принуждению не бывает. А мировая литературная общественность именно так оценивает эти два имени – гении. Пастернак же для меня из первейших и по значению, и по возрасту. В том смысле, что я открыл этого поэта для себя в возрасте 14 лет. Когда он умирал в 1960-м году, сказал такие слова: «Если выживу, главной задачей жизни поставлю борьбу с пошлостью». Как бы поэт выразился о всеобщей мировой пошлости сегодня?! Сказанная Борисом Леонидовичем фраза перекликается с другой – завещанием политического титана: «На мою могилу нанесут много мусора...» Продолжать фразу не стану, чтобы не увеличивать чей-то визг... Прочту стихи.

Над нами ненастья холодные ветры,
И в небе темно, и в душе вороньё.
Вздыхаем по прошлому. Кажется светлым
Его отошедшее в память былъё.
Но, вспомни, и там мы когда-то вздыхали,
И воздуха нам не хватало в груди,
Дышали надеждой, держались стихами,
что свет и тепло всё равно впереди.

А.Н. *Что ж, Юрий Ключников, я думаю, реализует завещание Бориса Леонидовича о борьбе с пошлостью.*

Ю.К. И завещание Иосифа Виссарионовича «убрать мусор с его могилы» – тоже. Продолжая традицию Пастернака, я ведь написал целый ряд стихотворений о покойном советском вожде. Не столько даже ради восстановления исторической справедливости, сколько для общей безопасности. Вдруг произойдёт чудо реинкарнации. Хотя оно может оказаться не чудом, а неизбежностью. Когда о чём-то слишком много и плохо говорят, это чревато опасностью. Недаром народная

мудрость советует осторожность в отношении покойников. Поминать их добром или помалкивать.

Что же касается пошлости, то с нею тоже можно бороться по-всякому – вместо обличения низости заниматься утверждением высокого.

А.Н. Юрий Михайлович, я встречал множество попыток переложить Ваши стихи на музыку. Считаю, что поэту Ключникову пока не очень повезло с теми, кто пытается сделать из его стихов песни. Яркий пример – музыка Асанова на Ваши стихи. Текст у вас тонкий, местами грустный, а мелодия какая-то разухабистая получается.

Ю.К. Но Асанову удался романс на мои стихи «Ищу тебя, нигде не находя».

Ищу тебя, нигде не находя,
Твой образ я ловлю в речном течении,
В ночных туманах, в капельках дождя,
В рассветных снах и сумраке вечером.

Отыскиваю образ дорогой
Я в лике каждой женщины случайной.
И пусть не в этой жизни, пусть в другой
С разгаданной твоей я встречу тайной.

Есть в жизни неземная высота,
Есть пламя у холодного камина.
О, не покинь меня, моя мечта!
А я тебя вовеки не покину.

Дай веры мне пройти сквозь мрак ночей,
Дай силы мне в моих дневных сраженьях,
И вечный свет твоих святых лучей
Да охранит меня от пораженья!

Песня – жанр особый. Взять, скажем, романс «Гори, гори, моя звезда». Слова могут показаться кому-то слабенькими, невыразительными, а романс великий! В нём главное – мелодия, исполнитель, а не текст. Стихи должны быть очень простыми, чтобы максимально выразить то основное, что вложено в союз слов и музыки. А в моих стихах, возможно, присутствует некая не нужная для музыки усложнённость.

А.Н. Нет, Вы, конечно, сами автор, и Вам лучше знать. Я, например, в Ваших стихах не увидел сложности, а вот глубину увидел, которой Асанову как раз и не хватило. Видимо, композитору помешала, как Вы говорите, нарочитая суетливость, спешка эту глубину передать. Позволю себе напомнить Вам Ваши стихи о русском романсе:

Умолк романс на ноте звёздно-синей,
Сгустилась ночь над дремлющей страной.
Родной простор, цыганщина, Россия!
Кочевье в неизвестность под луной.

Нам ведома уступчивая святость,
А также непреклонные штыки.
Но, что скрывать, беспечность, вороватость,
Чужие нравы тоже нам с руки...

Лежать в канаве вольно и случайной
За многие века пришлось не раз.
Что к этому добавить можно? Тайну,
Что неизменно поднимала нас.

Хорошо бы такие стихи положить на музыку.

Ю.К. Будем надеяться.

А.Н. Затронув эту тему, перейду к вопросу искусства, который подстерегает каждого человека, а поэта в особенно-

сти. Слава – один из больших искусов. Как и то, что любой человек поддаётся греху гордыни. Поэт пишет, композитор кладёт стихи на музыку, аудитория расширяется, появляются поклонники и поклонницы. В Вашей жизни было много таких искушений? И как Вы находите силы им противостоять?

Ю.К. Как всякий человек в молодости, немало дурил, всякое вытворял, но вот дожил до такого возраста, когда написал такие строчки:

Голову мою уже не кружит
славы соблазнительный дурман,
мне бы как-то выдернуть из лужи
души приунывших россиян.

Или:

Зачем же слёзы вытирать украдкой,
Улыбчивый подняв снаружи щит.
Искусство жить – не в mine кисло-сладкой,
Когда во рту и на душе горчит.

Искусство жить – когда темно снаружи,
Зажечь внутри хотя бы слабый свет.
И обнажить бескровное оружие
В ответ на наведённый пистолет.

Когда человеку осталось недолго жить на земле, больше думаешь не о себе – о людях, об общем деле. Жизненные удовольствия интересуют в очень небольшой степени. Может, даже и хорошо, что слава ко мне (правда, весьма относительная, поэтами нынче мало кто интересуется) пришла поздно. Поневоле, приходится жить внутренним миром.

Я никого стихами не учу,
я достучаться до себя хочу,
в своё окно усердно барабаню,
да только руки собственные раню.
Природы потаённые углы
скрывают жемчуга среди золы,
волну решимости моей дробят на капли
и тянут наступить на те же грабли.

Наступаю на собственные грабли, когда главная работа уже сделана.

А.Н. *Вы себя оцениваете именно так?*

Ю.К. Да. В основном, я свою задачу выполнил.

А.Н. *Говорите, что у каждого человека есть своё предназначение. Но ведь кто-то может воспринять эту мысль так: зачем излишне трепыхаться, если всё предначертано? Надо ли подставлять свою грудь под неизвестные, тем более, рискованные ветры? То, что положено человеку, и так сбудется.*

Ю.К. Любое предназначение связано с работой. Абсолютно каждое! Тут я согласен с Григорием Сковородой, что говорится, на двести процентов. Какое у бездельника может быть предназначение? Счастливая жизнь в обычном понимании – это бесконечный рай обеспеченного человека. Но так ли это? В формате большой жизни, земной и загробной, получается иногда как раз наоборот. Я бывал в Индии, там возле каждого храма наряду с мудрецами толпы ужасных с виду калек-попрошаек. Жутко смотреть на них. У одного храмового мудреца пришлось спросить, в чём дело? Гуру ответил: «Индия – котёл, где перерабатываются грехи и проступки человеческого рода, совершённые в земной жизни. Вот этот

– в прошлом воплощении фашист, тот – пьяница-паразит. Человек-паук, который передвигается на руках, – бывший миллионер, который грёб только под себя...»

А.Н. *Неужели Вы верите в подобную мистику?*

Ю.К. Это не мистика, собственная жизнь научила. Народная мудрость гласит: как аукнется, так и откликнется. Или научный закон – всякое действие равно противодействию. Так я понимаю закон реинкарнации. Но никому не навязываю такое своё понимание. С другой стороны, Вы правы – в Индии много вздорных предрассудков. Там в перевоплощение верят все, от государственных лидеров до безграмотных париев. Одному нищему бросил рупию и пожал руку. Он ухватился за мою ладонь, принялся её трясти, и что-то горячо бормотать. Я попросил перевести сказанное. Мне объяснили, что поступок белого сэра необычен и означает, что в следующей инкарнации бедный пария может стать богатым белым джентльменом. Так порою думают суеверные простые индусы.

А.Н. *Как сделаться сознательным человеком в современном понимании?*

Ю.К. Превратить бессознательный детский хватательный инстинкт в глубоко осознанное чувство ответственности и меры. С помощью радостного труда.

Душа трудом всегда повязана
На небе, на земле, везде.
Но ведь она ещё обязана
Блаженство чувствовать в труде.

А.Н. *Вы – один из немногих в моей жизни людей, которые говорят поразительные вещи. Вы радуетесь тому, что Ваше предназначение стало понятно ближе к закату. Обычно большинство сожалеет, что понимание жизни со-*

зрело слишком поздно, и что человек в чём-то опоздал. Вы не чувствуете, что опоздали?

Ю.К. Нет.

А.Н. *Продолжаете выплёскивать душу на бумагу, в данную минуту перед многотысячной аудиторией. А наши слушатели, главным образом, люди которым за пятьдесят, даже за шестьдесят. Вам – за восемьдесят. Повторю свой вопрос – ни о чём не жалеете?*

Ю.К. Повторю своё отрицание – нет. Если бы поэтическая зрелость пришла ко мне раньше, мы, возможно, не сидели бы сейчас в этой студии. Переходя с поэтического языка на сельскохозяйственный, скажу так. Среди поэтов есть «жимо-лость», а есть «облепиха».

А.Н. *У поэтов первой величины «жимо-лость» явно преобладает.*

Ю.К. Как сказать. Тютчев и Фет писали стихи до преклонного возраста. Толстой поражался: «Откуда у этого старика такая молодая лирическая дерзость?»

А.Н. *Соглашаюсь с Вами.*

В моей руке – какое чудо –

Твоя рука,

И на траве два изумруда –

Два светляка.

Такие стихи может написать 15-летний мальчик, но их сочинил очень зрелый человек, вот что удивительно! К сожалению, подобных примеров в русской поэзии раз-два – и обчёлся. В основном, стихи всё-таки – удел молодых. Когда ими занимаются такие люди, как Вы, насколько это трудно?

Ю.К. Как выразился один писатель, творческий труд – «сладкая каторга».

С одной стороны, тяжёлая работа, с другой, – великое наслаждение. Напомню Пушкина: «Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв». Когда на поэта находило это самое вдохновение (а он пребывал в нём всегда, что бы ни делал, недаром за короткую жизнь создал десять томов сочинений), то видел в творчестве экстаз!

А.Н. *То есть, и Вам стихи продляют молодость? Я хочу напомнить, что нас слушают те, кому, за 50 и 60. Таким людям не принято давать советы. Но от Вас, которому за 80, могут и принять пожелание. Скажите, как найти своё место в жизни пожилому человеку, если он опоздал позаботиться об этом в своё время?*

Ю.К. Надо начинать поиски пути немедленно, не обращая ни на что внимания, работать, добываясь своего. Не оглядываться на любые авторитеты. Однажды гениального и скромнейшего Чехова журналист спросил: «Вам не мешает присутствие в литературе Льва Толстого?» (его друга, кстати сказать). Чехов ответил: «Знаете, маленькие собаки не должны обращать внимание на то, как лают большие. Они должны лаять своими собственными голосами». Данный совет можно любому повторить – и молодому, и старому. Пиши, вяжи, вышивай, изобретай, главное, не надейся, как Емеля, на печку-самоделку, не хнычь, что пенсия мала. У меня жена начала в позднем возрасте рисовать, а все её выставки у нас и за рубежом прошли, когда она на пенсию вышла.

А.Н. *Но как быть с тем, что мешает. С тем же возрастом?*

Ю.К. Что мешает, то и помогает. Препятствия жизни, мешающие человеку, создают необходимую энергию преодоления. Когда всё легко, ничего хорошего обычно не получается. Когда встают барьеры, возникает желание их преодолеть. Сошлюсь на свой пример – первое путное стихотворение

написал в возрасте пятидесяти лет. А первый мой серьёзный сборник в Москве появился, когда мне стало семьдесят. Покойный ныне, известный сибирский поэт Казимир Лисовский, говорил: «Да если бы я писал такие стихи, как твои «Старухи», их бы с треском печатали!» Он картавил, выговаривал так – «с тхеском».

А.Н. Прочтите стихи.

Ю.К.

Сложив на животе неловко руки,
Похожие на крышки погребов,
Поют на сцене русские старухи
Про ямщика, про Волгу, про любовь.
Плывут, плывут раздольные печали,
Грудная хрипотца далёких дней,
Когда они солдатками кричали
На ездовых бурёнок, на коней,
С которыми делили хлеб и ношу,
На трактор, ставший в поле, хоть реви,
На нас, что лебедой росли, и всё же
Не обойдённых в ласке и любви.
Они порой совсем теряли силы,
Когда в годину чёрную свою
По мужикам убитым голосили.
И вот теперь, вы слышите, поют!
Поют, пройдя всех преисподних круги,
Поют всем сердцем, сердце веселя,
Поют на сцене русские старухи,
Двужильные, как русская земля.

А.Н. Ваши поэтические раздумья и советы напоминают мне рассуждения Пифагора. Древний философ говорил: «Всегда, если происходит нечто плохое, в нём есть что-то

хорошее. И, наоборот, в любом хорошем неизменно присутствует доля плохого». Может быть, поэтому стихи Ваши мне очень близки, и я хотел бы, чтобы поэта Ключникова почаще вспоминали не только жители Новосибирска, но и всей страны. Какие поэтические слова Вы считаете необходимым сказать ещё?

Ю.К.

Не говори, что небо над Россией
Синей, чем всюду в мире, – не синей.
Берёзы заграничных не красивей,
А бестолочь – свирепей и сильней.

Но пусть печали наши тьму не тешат
И радость не печалит, всё равно
Весь мир глядит – кто в страхе, кто в надежде –
На будущее
в русское окно.

А.Н. У Вас во многих стихотворениях подчеркивается мысль, что будущее мира связано именно с Россией. Это ваше индивидуальное утверждение?

Ю.К. Не только. Отталкиваюсь от мнений людей, куда более значимых, чем я. В начале XX века в Австрии вышла книга философа Освальда Шпенглера «Закат Европы», где автор рассматривает все земные цивилизации, как некие организмы, имеющие рождение, акме (возраст зрелости) и упадок. Он перечислил все известные науке цивилизации: китайскую, индийскую, египетскую, греческую, римскую, европейскую и отметил, что ныне (1918 г.) Европа находится в упадке. А следующий цикл развития назвал русско – сибирским.

Был такой американский футуролог Эдгар Кейси, который подтвердил прогнозы австрийца. И добавил к ним: «В эпоху

грядущих грозных катастроф наиболее благоприятным местожительством окажется Западная Сибирь».

А.Н. *Пророчество для нас утешительное.*

Ю.К. Не для всех. Кроме того, все пророки (и Кейси – тоже) полагают, что многое зависит от того, как поведут себя люди, особенно лидеры. Продолжу тему пророчеств. Известный всему миру Нострадамус к России относился без особого энтузиазма, но пророчествовал, что настанет время, когда эта страна в течение ряда веков будет как бы флагманом мирового развития.

Наконец, семья Рерихов – статья совершенно особая и, может быть, самая важная. Там прогнозы мирового развития даны самые основательные. Впервые широко заявлено, что мировое правительство находится в Гималаях и горах Алтая, а вовсе не в Вашингтоне и банках Уолл-стрита, что Октябрьская революция, как и Отечественная война, одержали победу не только по воле народов России и её вождей, но при огромной поддержке Гималайских Махатм. Что будущее – за обновлённой советской Россией, и она совсем не будет походить на сталинскую.

А.Н. *Вы вот в такое верите?*

Ю.К. С бычьим оптимизмом, как некогда выражался Иосиф Виссарионович.

А.Н. *Но, Юрий Михайлович, посмотрите, что происходит в сегодняшней России – культ пошлости на телевидении, неисполнение указов президента во внутренней политике, нарастание военных угроз, воровство губернаторов, колоссальные диспропорции в зарплате чиновников и простых людей. А мы говорим о том, что весь мир смотрит на нас с надеждой, и мы поведём его в XXI веке. Как-то всё не сходится с тем, что говорим.*

Ю.К. Есть такая пословица: перед заутреней бесы громче всего бесятся. Россия – страна противоречий. Здесь, с одной стороны, много дикостей, с другой – литература, которую на Западе называют святой. Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков, Шолохов... Одна советская поэзия чего стоит! Есенин, Маяковский, Ахматова, Заболоцкий, Пастернак, Мандельштам, Твардовский, Рубцов. Одного такого имени хватило бы, чтобы иную страну на весь мир прославить, а тут – в течение 73-х лет, которые кто-то называет бросовыми, целое созвездие факелов зажглось.

А.Н. Даже не 70-ти. За 50 лет!

Ю.К. Вы правы. Причём интересная закономерность: взять Есенина дореволюционного периода и после революции – резкий взлёт. О поэтическом взлёте Гумилёва мы уже говорили. Или посмотрим на Ахматову с этой точки зрения. В «серебряном веке» – куртуазная барышня, талантливая, конечно, а при Советах – гениальная поэтесса. Великие катастрофы России всегда связаны с её полётами ввысь.

Нам правило старинное знакомо:

Ложиться в дрейф, когда идёт гроза.

Но мы наперекор морским законам,

Душа моя, поднимем паруса!

Пускай по-волчьи жаждут нашей крови

Соседних молний жёлтые глаза,

Мы их прыжкам великолепным вровень,

Душа моя, поднимем паруса!

Бог любит при отчаянной погоде,

Чтоб мы смотрели только в небеса,

Вздыхает, если взгляд от них отводим,

Душа моя, поднимем паруса!

Их не свернём и в гавани конечной,

Мы – чудачки, мы верим в чудеса.

Смерть – запятая в Книге жизни вечной.

Душа моя, поднимем паруса!

А.Н. *Последний вопрос нашей беседы традиционный – каковы Ваши творческие планы? Хотя Вы сказали, что жизненную задачу выполнили, но таковые, наверное, есть?*

Ю.К. Конечно. Даже чрезмерные для моего возраста. Я задумал грандиозное дело – перевести лучшие образцы мировой лирики на русский поэтический язык.

А.Н. *Поясните на примере.*

Ю.К. Хочу заново перевести сонеты Шекспира. Существующие переводы С. Я. Маршака хороши, но они не учитывают именно религиозную составляющую. Все, или почти все, адресованы женщине, тогда как у автора главный адресат – Друг (Бог). А если поэт имеет в виду мужчину, всегда сохраняет по отношению к нему религиозную оптику. Между прочим, похожей символикой Друга как Бога, владеют суфийская и китайская поэзия. У меня крепнет мысль, что такие поэты, как Шекспир, Пушкин, Гёте, Есенин, Омар Хайям, Ли Бо, Су Ши, Бодлер имеют какую-то «инкарнационную» связь. То есть, одни поэтические души кочуют по разным странам и воплощениям. Идея сегодня причудливая, может быть. Но вполне миролюбивая. Для подтверждения её намерен перевести поэтов-суфиев, французов, китайцев, Шекспира и его поэтического окружения. Если сил, конечно, хватит.

** Публикуемый текст представляет собой расшифровку радиопередачи, сделанную Т. В. Смирновой. А. Б. Нагуманов, который вёл передачу, в своё время из-за недостатка эфирного времени вынужден был кое-что сократить. Мне пришлось по памяти восстановить то, что актуально сегодня. Ю. К.*